

А. ТУН

**ИСТОРИЯ
РЕВОЛЮЦИОННЫХ
ДВИЖЕНИЙ
В РОССИИ**

ПЕРЕВОД ВЕРЫ ЗАСУЛИЧ, Д. КОЛЬЦОВА и др.

С ВОСПОМИНАНИЯМИ ОБ А. ТУНЕ Л. ДЕЙЧА, ПРЕДИСЛОВИЕМ Г. ПЛЕХАНОВА,
СТАТЬЕЙ «О СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ» Г. ПЛЕХАНОВА
И ПРИМЕЧАНИЯМИ П. ЛАВРОВА

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА . . . 1924 . . . ПЕТРОГРАД

Мое знакомство с профессором Альфонсом Туном.

Летом 1882 г., вернувшись из экскурсии по Швейцарии в Женеву, я узнал от моего хорошего знакомого, эмигранта Н. Л—на, что незадолго перед тем туда же приехал немецкий профессор А. Тун, задавшийся целью написать книгу о русском революционном движении.

По словам этого эмигранта, Тун очень хорошо ознакомился с нашей подпольной литературой и в Женеву он приезжал для того, чтобы достать те источники, которых ему невозможно было раздобыть раньше, а также чтобы лично познакомиться с участниками нашего движения, находившимися в эмиграции. Но, вследствие каникулярного времени, почти все сколько-нибудь видные эмигранты разъехались, и Туну поэтому пришлось ограничиться лишь знакомством с старым эмигрантом Эльпидиным (по Казанскому делу 1861 г.) и профессором-украинофилом Драгомановым.

К этому сообщению Н. Л—на я отнесся довольно скептически по следующим двум причинам: прежде всего Н. Л—н отличался свойством неточно передавать действительные факты и происшествия, почему в нашей среде и была присвоена ему кличка «беллетриста», с каковой он делал вид, что мирится. Затем в описываемое время, которое, как знает читатель, было вскоре после убийства Александра II, целая масса иностранцев набросилась на революционное движение в России, как на выгодный материал для эксплуатации интереса европейской публики к совершавшимся в России террористическим актам. Но если не все, то огромное

большинство произведений этих писателей представляли собой сплошной вымысел, и нам, русским, с трудом можно было узнавать в этих сообщениях и рассказах что-нибудь, напоминавшее нашу родину.

В виду этих причин я предлагал, что произведения и немецкого профессора, если действительно он таковые задумал, по всей вероятности, мало чем будут отличаться от других аналогичных, и вскоре совершенно забыл о сделанном мне сообщении Н. Л—на.

Но случилось так, что спустя несколько месяцев после вышеприведенного разговора с Н. Л—м мне самому пришлось поехать в город Базель, где Тун состоял профессором. По разным личным соображениям, о которых здесь распространяться не буду, я решил поселиться в Базеле на более или менее продолжительное время. Там же надумал я поступить в местный университет в качестве вольнослушателя философского факультета.

Перед отъездом из Женевы я получил рекомендацию к Базельскому социал-демократу, бывшему студенту местного университета, Карлу Моору. В первый же вечер моего приезда в Базель я отправился к нему, и после непродолжительного общего разговора он сообщил мне, что в местном университете читает интересные лекции о русском революционном движении проф. Тун. Как и Н. Л—н, Карл Моор также расхваливал проф. Туна, заявляя, что он вполне ознакомился с предметом и вообще интересный человек, с которым следует мне непременно познакомиться. Но я продолжал еще относиться скептически к этому иностранному ученому, выбравшему наше движение темой своих лекций: я предполагал, что он эксплуатирует лишь популярную тему. Когда я высказал это соображение моему новому товарищу, он энергично стал защищать проф. Туна, говоря, что он решительно не похож на газетных писателей, трактующих о России без всяких о ней знаний.

Моор утверждал, что Тун серьезный ученый, в чем я легко могу убедиться, прочитав его прежние сочинения, что он свободно владеет русским языком и что он перечитал решительно всю доступную литературу о нашем движении; он настаивал поэтому на том, чтобы я лично познакомился с ним. Так как я уже ранее

решил слушать, между прочим, лекции по политической экономии и статистике, каковые читал Тун, и так как в местном университете существовал еще старинный обычай посещать на дому того профессора, лекции которого собирался слушать студент, то я и решил отправиться прежде всего к проф. Туну. Карл Моор вызвался предупредить Туна о моем посещении и узнать от него, в какое время ему будет удобнее меня принять.

Я был тогда нелегальным и, даже живя за границей, в виду спасения, подобно Нечаеву, быть выданным русскому правительству, проживал по фальшивому паспорту. Отправляясь в Базель, я запаса документом на имя Николая Криднера, потомственного почетного гражданина какой-то из остзейских губерний. Но Моор знал и мою настоящую фамилию. Соглашаясь, чтобы он предупредил Туна о моем посещении, я настоятельным образом просил его не открывать Туну, да и вообще никому в Базеле, кто я в действительности, а рекомендовать меня как обыкновенного русского студента, учащегося за границей. Моор дал мне слово, что будет хранить мой секрет.

Спустя два-три дня я отправился к проф. Туну в назначенное им время. Он принял меня довольно любезно, расспрашивал, где я раньше учился, поинтересовался узнать, не нахожусь ли я в каком-нибудь родстве с знаменитой Криднер, другом императора Александра I, и давал мне советы и указания, какие курсы стоит посещать в местном университете.

Выше среднего роста, стройный блондин, Тун имел правильные, симпатичные черты лица и в обращении был прост и приветлив. В первое же мое посещение он поинтересовался узнать мое материальное положение, и когда я сообщил ему, что далеко не обеспечен, то заявил мне, что будет иметь меня в виду и постарается приискать мне какой-нибудь заработок. Как вскоре потом я узнал, Тун был чрезвычайно отзывчив и охотно помогал нуждавшимся студентам не только советами и указаниями относительно их занятий, но также входил в их материальное положение, рекомендовал их в качестве репетиторов и переписчиков, указывал сочинения для переводов, компиляций и проч. Уже одним этим Тун очень выгодно выделялся из среды местных профессоров.

При первом же моем посещении он сообщил мне, что, будучи уроженцем гор. Аахена в Германии, он, однако, кончил наш дерпт-

ский университет; затем в течение некоторого времени проживал в одной из внутренних наших губерний в качестве управляющего крупным имением. Среди его родственников из остзейских немцев некоторые занимали довольно высокие посты в высшей нашей администрации, в числе их был, например, Туркестанский генерал-губернатор Кауфман. Благодаря протекции последнего, Тун был одно время даже прикомандирован в качестве чиновника к нашему министерству иностранных дел. Но служба эта ему совершенно не понравилась, так как, по его словам, она сводилась лишь к отвешиванию поклонов различных степеней, сообразно значению и важности появившихся в министерстве лиц, — он без смеха не мог и в дальнейших разговорах вспоминать о столь странной службе. Тогда же он познакомился с некоторыми нашими либеральными профессорами, повидимому имевшими на него влияние в смысле возбуждения в нем интереса к экономическому строю в России. Изучив достаточно хорошо наш язык, бросив службу, он, кажется, отправился в Москву, где занялся ознакомлением с нашей кустарной промышленностью, а также и артелями. Результатом этих занятий была написанная им впоследствии брошюра, появившаяся на немецком языке. Затем он отправился в Германию, чтобы целиком отдаться науке. Диссертация «Die Industri am Niederrhein» («Промышленность в нижнем Рейне») обратила на себя внимание специалистов и до сих пор считается довольно крупным вкладом в экономическую науку. После этого он сделался приват-доцентом Берлинского университета, а год спустя, в 1881 году, будучи 26-27 лет, он уже был приглашен в качестве ординарного профессора в Базельский университет; повидимому, Тун обладал крупными способностями; он свободно владел несколькими языками, легко и быстро работал, и каждое дело, за которое он брался, как говорится, спорилось в его руках.

При первом же моем посещении я узнал от проф. Туна, каким образом он напал на мысль писать книгу о нашем революционном движении.

«Проходя однажды мимо книжного магазина, — сказал он, — я увидел выставленные в витрине какие-то женевские издания—

Тун их мне тогда перечислил, но теперь я их не помню.—Заинтересовавшись заглавиями, я купил их, а когда прочитал, то решил перечитать все, что можно было достать в Базеле о русском революционном движении. Это было в прошлом году, тотчас после моего приезда в Базель, и спустя несколько месяцев после убийства царя. Вступая в беседу с коллегами-профессорами, я убедился, что не только у широкой иностранной публики, но даже у наших ученых нет ни малейшего представления как вообще о России, так в особенности о происходящем в ней революционном движении. Тогда я вздумал прочитать в местном университете публичные лекции о России. Судя по огромному числу собиравшихся в аудитории слушателей и по оказанному лекциям приему, я видел, что тема эта интересует публику. Поэтому я повторил их еще для более широкого круга слушателей. В самой обширной аудитории, имеющейся в нашем университете, не только все сплошь было переполнено в самой аудитории, так что некуда было, как говорится, яблоку упасть, но даже толпилось много народа снаружи у окон и в коридоре. Эти же лекции убедили меня в том, что мои сведения, почерпнутые из книг и брошюр о России, недостаточны, поэтому я решил в ближайшие каникулы отправиться в Женеву,—центр русской эмиграции,—чтобы пополнить мои литературные материалы и лично познакомиться с вашими революционными деятелями. Но, к сожалению, я застал там лишь троих» — Тун перечислил вышеназванных мною лиц.

Таким образом, оказывалось, что, по крайней мере, на этот раз в сообщении Н. Л.—на о Туне не было «беллетристики».

Прощаясь со мною, проф. Тун поинтересовался моим адресом, но вместе с тем не предложил мне заходить к нему. А так как он и ко мне не являлся, то я встречался с ним лишь на его лекциях, а иногда по окончании их вместе с ним выходил из университета.

Как профессор политической экономии, он примыкал к немецким катедер-социалистам, и лекции его, живо и просто излагаемые, конечно, не отличались большим интересом. Значительно более содержательным был его курс статистики, который он читал для широкой публики.

Спустя некоторое время, встретившись со мной после лекции, он сообщил, что его товарищ, профессор сравнительного права Тайхман, желает брать у меня уроки русского языка. Я отпра-

вился к последнему и действительно получил урок на очень выгодных условиях. Тайхман оказался типичным немецким ученым-филистером, знавшим чуть ли не все европейские языки, за исключением славянских и турецкого, которые, однако, надеялся еще изучить. Помня мельчайшие детали уголовного права разных стран, он в политических вопросах являлся крайним реакционером, поклонником Бисмарка. Одинокий, не особенно общительный, Тайхман, за исключением лекций, остальное время проводил в своем кабинете, снизу доверху установленном полками с книгами. В ученном мире он имел довольно крупное имя.

Так проходили первые недели и месяцы моего пребывания в Базеле. Но однажды в праздничный день, незадолго до рождества, я случайно встретился с проф. Туном в местном музее. Обменявшись обычными фразами, я собирался уходить, когда он предложил мне прогуляться вместе по набережной Рейна. На мой вопрос о том, как идет его сочинение о России, он ответил, что оно приближается к концу, и у нас завязался с ним разговор по этому поводу. Между прочим, помню, он выразил не то удивление, не то иронически отнесся к тому, что П. Лавров до выхода «Вперед» несколько раз менял свою политическую программу, не будучи все в состоянии попасть на надлежащую. Незаметно, увлекаемый замечаниями Туна, я стал высказываться по поводу тех или иных эпизодов и обстоятельств из нашего революционного прошлого. До этой встречи Тун, быть может, видел во мне лишь легального русского студента, едва ли очень посвященного в революционное движение, а следовательно, и не особенно осведомленного в нем. Но, заметив во время этого разговора, что я не чужд истории нашего движения, он предложил мне просмотреть написанную им рукопись и на полях ее отметить те места, которые покажутся мне неправильными. Я охотно согласился на это предложение, так как избранная им тема меня очень самого интересовала, к тому же мне казалось бесполезным, чтобы появилось сочинение немецкого профессора о русском революционном движении, свободное от грубых ошибок и промахов. Но, когда, пришедши с ним на его квартиру, я увидел его обширную рукопись, написанную мелким неразборчивым почерком, я нашел, что чтение ее должно отнять у меня чрезвычайно много времени, а потому предложил ему, чтобы он сам прочитал ее мне вслух. Он с удовольствием принял

это предложение и мы с ним условились, когда приступим к нашим занятиям. Так как в течение недели мы оба были заняты своими университетскими курсами, то мы решили посвящать его работе субботные и воскресные дни.

Я являлся к нему в сумерках, и мы тотчас же приступали к нашему занятию в его небольшой, но уютной квартире, состоявшей из двух комнат; мы усаживались в той, которая служила одновременно его гостиной, столовой и рабочим кабинетом. Он принимался за чтение рукописи, я же должен был делать заметки на бумаге о тех местах, которые требовали изменений, дополнений и проч. Часов в 7-8 служанка приносила разнообразную закуску, а главное — наш русский самовар, который за границей является столь приятным для нас сюрпризом. Слушая его чтение, я исполнял обязанности хозяйки дома: разливал чай по чашкам и вино в рюмки, а также накладывал закуски на тарелки. Так продолжались наши занятия до позднего часа ночи. Когда же Тун на определенном месте заканчивал чтение, мы обсуждали те пункты, которые я находил неверными или сомнительными. В большинстве случаев, мы скоро приходили с ним к соглашениям, но иногда возникали у нас горячие споры. В подтверждение верности своего мнения, каждый ссылался на известные ему источники по поводу данного спорного вопроса, и, если необходимые сочинения находились в его библиотеке, мы немедленно перечитывали соответствующие места.

Когда же его не оказывалось, мы откладывали окончательное решение нашего вопроса до получения необходимого источника. Наиболее ожесточенный спор у нас, помню, произошел по следующему поводу.

Характеризуя террористическое направление, Тун в своем сочинении заявлял, что чувство культурного цивилизованного европейца не может не возмущаться теми жестокими отталкивающими приемами насилия и убийства, к которым прибегает русский революционер.

Когда он закончил чтение главы, заключающей вышеприведенный отзыв его, я не сделал никаких замечаний, потому что фактических неправильностей в этом месте не было. Видя, что я молчу, Тун спросил меня, как объяснить это. Я ответил, что хотя мог бы многое сказать по поводу данного места, но считаю

себя не вправе сделать это, так как, согласившись прослушать чтение его рукописи, имел в виду лишь фактическую сторону, что же касается его суждений, то это его личное право высказывать те или иные взгляды, хотя и не согласные с моими.

Когда появится ваше сочинение в печати, сказал я, — я или кто-нибудь из моих товарищей сумеем, вероятно, доказать читателям, насколько неправильны ваши суждения. — Но Тун энергично стал уговаривать меня, чтобы я теперь же изложил свое мнение, так как вовсе не считает высказанные им взгляды безапелляционно верными и заранее выражает готовность изменить их, если я докажу их неосновательность. Я согласился с этим заявлением и в течение нескольких часов горячо доказывал ему, что беспристрастный человек, основательно ознакомившийся с нашим революционным движением и, следовательно, убедившийся в том, что только само русское правительство вынудило нас прибегать к насильственным актам, против чего наши чувства сами долго возмущались, — не в праве бросить нам за то упрек. Я привел ему обширный мартиролог жертв мирной борьбы за политическую свободу в России, напомнил ему о многочисленных казнях и о лицах, осужденных на каторгу, и проч.

В начале моего опровержения проф. Тун делал мне кое-какие возражения, но постепенно он, видимо, начал сдаваться и в заключение нашей беседы заметил:

— Я подумаю и перечитаю указанные вами источники, быть может, изменю это место.

В одном из следующих наших заседаний он, по прочтении дальнейшей главы, предложил мне вновь прослушать то место из предшествовавшей, которое вызвало только-что описанный мною горячий спор. На этот раз оказалось, что Тун совершенно изменил свое резкое суждение о террористах и высказывался уже в таком роде, что если даже верна лишь часть фактов о жестоких преследованиях их, то мы не можем не понять, что само правительство вынудило социалистов выступить на путь насилий, и мы не должны за это бросать им упрека. Приблизительно в этих выражениях он и высказывается в своей книге.

По воскресным дням мы после обеда отправлялись с ним пешком куда-нибудь далеко за город, ведя оживленные беседы как по поводу его сочинения, так и относительно разных других вопросов. Помню, однажды был такой случай. Мы отправились с проф. Туном в деревню, находившуюся уже в Баденском герцогстве. Там мы зашли в ресторан. Обыкновенно в нашем с ним разговоре мы перемешивали русский язык с немецким. Так было и в описываемый день. Когда, усевшись за столик, мы вели оживленную беседу на двух языках, к нам подошел какой-то господин, сидевший в ресторане, и, обратившись к Туну, спросил: «вы русский?» Тун заметно смутился и по-немецки ответил отрицательно. Незнакомый господин продолжал настаивать, что ему слышались русские фразы. Тогда я заявил, что это я их произнес, спросив его, кто он. Оказалось, что то был студент-серб Базельского университета.

Возвращаясь затем обратно, я спросил Туна, почему его смутило обращение к нему этого студента.

— Не за себя я смутился, а за вас: кто вас знает, легальный вы или нет, а мы ведь в Германии, где с русскими не поцеремонятся. А в этом незнакомце я заподозрил полицейского агента.

Благодаря совместным занятиям и упомянутым прогулкам, мы сблизились, и между нами установились простые отношения: как он ко мне, так и я к нему заходили очень часто. Одно только обстоятельство вносило диссонанс в наши отношения: хотя ко мне, как к Криднеру, — легальному или нелегальному, это было для него, очевидно, безразлично, — он относился хорошо, но вместе с тем я имел несколько случаев убедиться, что к *Дейчу*, совершившему насилие над известным лицом, он не чувствовал расположения. По его убеждению, таких лиц европейские правительства должны были бы выдавать друг другу, как обыкновенных уголовных преступников. В этом отношении особенно характерным для меня являлся следующий случай.

Однажды, пришедши ко мне перед вечером, проф. Тун сообщил, что на следующий день он читает в местном обществе свободомыслящих реферат на тему из русского революционного движения. Затем он предложил мне прослушать составленный им конспект. Оказалось, что он намеревался рассказать о процессе

1-го марта и о чигиринском деле. Вполне одобрил его конспект, я обещал притти на этот реферат.

Партер и галерея обширного городского здания были битком набиты самой разнообразной публикой. Туну вполне удалось возбудить внимание слушателей, с напряженным интересом следивших за плавным и живым его рассказом. Реферат свой он закончил блестящей политической параллелью между свободной маленькой Швейцарией, изрезанной высокими со снежными вершинами горами, и той отдаленной и обширной равниной, называющейся Русскою империею, значительную часть года также покрытою снегом, население которой лишено малейших признаков свободы.

В общем мне чрезвычайно понравился этот реферат. Одно только место сильно резнуло меня. Рассказав о чигиринском деле и сообщив, что три главные его участника — Стефанович, Бохановский и Дейч — бежали из Киевской тюрьмы, проф. Тун заметил: «и эти преступники до сих пор, к сожалению (leider), не арестованы, — они скрываются за границей».

Нагнав меня у выхода, проф. Тун спросил, как нашел я его реферат. Я откровенно изложил ему свое мнение, заметив, что меня крайне удивило выраженное им сожаление по поводу того, что вышеназванные лица находятся на свободе:

— Что же, вы хотели бы, чтобы их арестовали? — спросил я.

— Но я ведь не революционер, а, как у вас говорят, «умеренный либерал»; по моему убеждению, лица, совершившие подобные преступления, как Стефанович и Дейч, должны быть подвергнуты суду.

Немного поспорив с ним, идя рядом по улице, я вскоре попрощался, подумав, помню, про себя: «значит, знай ты мою настоящую фамилию, ты пожелал бы, чтобы и меня арестовали».

После этого случая мы реже стали встречаться. К тому же наши совместные занятия тогда уже закончились, а вскоре окончился также зимний семестр, и я уехал из Базеля в Женеву.

Впоследствии профессор Тун прислал мне с авторским посвящением вышедшее в Германии сочинение его о русском революционном движении, в предисловии к которому упомянул обо мне, как об одном русском, помогавшем ему в этом труде. Затем мы обменялись с ним, по поводу замеченных мною в книге некоторых сохранившихся в ней неправильных его суждений, двумя-тремя

письмами, а с лета 1883 года я потерял его из виду: как потом оказалось, он получил кафедру во Фрейбургском университете. Но в марте месяце 1884 года я совершенно неожиданно вновь встретился с ним при крайне печальных для меня обстоятельствах: то было во Фрейбургской тюрьме.

Подробный рассказ об этом читатель найдет в моей книге «Шестнадцать лет в Сибири»; здесь передам его лишь в немногих словах.

Выше я уже упоминал о том, что проф. Тун, во время нашего знакомства в Базеле, относился не совсем благосклонно к «Дейчу», и я даже допускал поэтому мысль, что он ничего не имел бы против моего ареста.

После этого легко представить себе мой испуг, когда, находясь в тюрьме под вымышленной фамилией Булыгина и имея надежду, не будучи узанным, быть освобожденным из нее, я вдруг узнал от проф. Туна, что ему известна моя настоящая фамилия.

Но испуг мой тотчас же сменился чрезвычайным изумлением, так как оказалось, что проф. Тун не только не намерен был повредить мне, но, наоборот, проявив самое горячее ко мне участие, всячески старался помочь мне скорей выбраться из тюрьмы, не останавливаясь для этого даже пред опасностью скомпрометировать себя в глазах властей.

Затем, в течение моего пребывания во Фрейбургской тюрьме, длившегося около двух с половиной месяцев, он принимал самое активное участие в планах моего побега из нее.

Такая, повидимому, непоследовательность между взглядами и поступками немецкого профессора объясняется, мне кажется, не только личным его отношением ко мне, но, быть может, еще в большей степени тем, что, познакомившись с условиями русской действительности и революционного нашего движения, он убедился в несправедливости своих лойяльных либеральных взглядов, особенно когда ему пришлось выбирать между ними и конкретным фактом.

Только этим соображением можно, мне кажется, объяснить двойственность его поведения. Красной нитью проходит она и в его сочинении о русском революционном движении, чем резко отличается оно от сочинения другого иностранца—американца

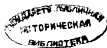
Джорджа Кеннана. Как совершенно верно указал мой друг Г. Плеханов в печатающемся здесь же предисловии, «Тун был очень далек от безусловного сочувствия к русским революционерам, которым проникнута знаменитая книга американца Кеннана».

Это отличие отношения Туна к русским революционерам от отношения к ним Кеннана, кроме субъективных свойств первого автора, объясняется еще тем, что в то время, как последний познакомился с жертвами преследования русского правительства благодаря непосредственным столкновениям с ними в местах их кары — в Сибири, — проф. Тун изучал факты и людей, которых он описывал, лишь по сухим печатным источникам: ведь из активных деятелей он, в течение всего своего знакомства с революционным движением, знал, да и то при совсем иной, чем Кеннан, обстановке, только двоих, как я уже упоминал, «беллетриста» Н. Л. — а и меня; Эльпидин и Драгоманов, как старые эмигранты совсем иной эпохи и направления, не могут идти в счет. Не следует также забывать, что в то время, когда Тун писал свою книгу, размер источников о нашем движении, — разного рода статьи, биографии и воспоминания, — был неизмеримо ограниченнее, чем каков он в настоящее время.

Приняв во внимание все эти обстоятельства, можно, наоборот, только удивляться объективному отношению нашего историка к избранному им сюжету, и уже одним этим объективизмом он выгодно отличается от всех других иностранных, — да иностранных-ли только? — профессоров и ученых.

Здесь мною вспоминается показанное мне однажды проф. Туном письмо к нему известного ученого Шмоллера, в котором этот столп катедер-социалистов выражал удивление по поводу того, что Тун выбрал такую тему, как русское революционное движение, и серьезным тоном трактует о затеях и беспорядках, устраиваемых какими-то там юношами и девицами.

Вероятно, аналогично было отношение к сочинению Туна во всем Европейском «ученом мире». Не этим ли объясняется тот факт, что, несмотря на полный свой объективизм, книга нашего автора не имела на Западе никакого успеха и прошла совсем почти незамеченной: появившись в 1883 г., если не ошибаюсь, в количестве всего 1.000 экземпляров, она, кажется, не была более пере-

издана, а также не была переведена ни на какой другой из западно-европейских языков.

Совсем иной прием оказала ей наша революционная среда: в течение долгих лет господствовавшей у нас тяжелой реакции она циркулировала в литографированном виде на русском языке, хотя и в неудовлетворительном переводе, и была почти единственной книгой, которая напоминала новому поколению о погибших старых борцах, об их взглядах и стремлениях. Как мне самому приходилось слышать от некоторых молодых товарищей, на сочинении Туна воспиталось у нас не мало борцов: знакомя с прошлым нашего движения, она будила в представителях новых поколений лучшие чувства и вызывала в них готовность также отдать все свои силы и способности на дело освобождения эксплуатируемых масс.

Только в 1901 году возникшая «заграничная лига русской революционной социал-демократии» решила издать книгу Туна с предисловием Г. Плеханова и дополнением Д. Кольцова, а также приложением Я. Стефановича. Несмотря на 20 с чем-то лет, истекшие со времени появления этой книги, до сих пор почти никем не были указаны в ней крупные промахи или значительные фактические неверности, каковые однако в достаточном количестве нередко встречаются в произведениях других, в том числе даже русских авторов. Одно лишь существенное указание сделал в своем предисловии к этой книге тов. Г. Плеханов, а именно по поводу изложения проф. Туном взглядов лавристов на нашу общину, в связи с их отношением к марксизму; тов. Плеханов совершенно правильно объяснил указанное противоречие недостаточно критическим отношением историка нашего движения к имевшимся у него в руках источникам. Верно также и замечание Г. Плеханова, что я «не мог ведь написать за него (за Туна) предпринятую им историю», и что я сам переживал тогда (зимой 1882—83 г.) переходный момент революционного своего развития». Но как в свое оправдание, так отчасти и профессора Туна, могу еще сказать, что в указываемую эпоху не только у нас, тогда молодых социал-демократов, но и у великих учителей наших, Карла Маркса и Фридриха Энгельса, было довольно условное отношение к вопросу о русской общине. Напомню об их предисловии к первому заграничному изданию на русском языке

Манифеста Коммунистической Партии, вышедшем в переводе Г. Плеханова летом 1882 года в Женеве, а также об известном, вызвавшем столько ложных толков среди наших народников, письме К. Маркса к редактору «Отечественных Записок».

Кроме указанного выше издания, сочинение Туна появилось также и в издании социалистов-революционеров под редакцией Л. Шишко, снабженное многочисленными дополнениями и примечаниями. К сожалению, — не знаю вследствие чьей оплошности, — некоторые из этих дополнений помещены в самом тексте без всяких вводных знаков, так что читателю трудно решить, принадлежал ли они автору или переводчику.

Несмотря на все старания и искреннюю готовность, проф. Туна не удалось помочь мне выйти из Фрейбургской тюрьмы: летом 1884 г. я был выдан России, а затем отправлен на каторгу. Будучи в Карийской тюрьме, зимой 1885-86 г., в случайно попавшем мне в руки номере немецкой иллюстрированной газеты, среди мелких известий я прочел, что проф. Фрейбургского университета Альфонс Тун, после непродолжительной болезни, скончался 31 или 32 лет от роду.

Лев Дейч.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Предисловие автора	3
<i>Лев Дейч.</i> Мое знакомство с профессором Альфонсом Туном	6
<i>Г. Плеханов.</i> Предисловие к русскому изданию	20
I. Взгляд на революционное движение до 1863 года	68
II. Затишье в революционном движении (1863 г. — 1872 г.)	82
III. Литература социалистической пропаганды	93
IV. Практика и результаты пропаганды (1872 — 1875)	104
V. Революционная агитация (1875 — 1877)	126
VI. Переход к террору (1878 и 1879)	148
VII. Террор (с 1879 года)	173
VIII. Партия черного передела	194
IX. Биографии и внутренняя организация	208
Приложение I. <i>Г. Плеханов.</i> О социальной демократии в России	243
Приложение II. Некоторые примечания П. Л. Лаврова к польскому изданию А. Туна	270

